

Т. А. Володина

Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике

Шекспир еще в XVI столетии написал знаменитые строки: «Что значит имя? Роза пахнет розой, / Хоть розой назови ее, хоть нет»¹. Однако после «лингвистического поворота» в гуманитарном знании, который пришелся на середину XX столетия, историки уже вряд ли могли согласиться с великим драматургом. С этого времени язык стал включаться в сферу гуманитарного знания не только как объект филологического изучения, но и как полноценное поле для работы и рефлексии историков по поводу смыслов: текста источников и текста исторического нарратива². На любом этапе исторического исследования оказалось значимым учитывать сопряжение семиотики и семантики. Язык стал рассматриваться в тесной связи с картиной мира, формирующейся в сознании людей на определенном историческом этапе, а также — в связи с их духовной и практической деятельностью³.

Названия улиц, площадей, городов уже давно стали не просто знаками, способными облегчить нахождение какого-то конкретного места, а настоящим маркером социальных и политических изменений в жизни общества. Изучение социальных смыслов топонимике находится в фокусе внимания ученых в разных странах мира. В современном гуманитарном знании это направление набирает обороты за счет междисциплинарных исследований, проводимых на стыке истории, культурологии и географии. Достижением современной науки является признание того факта, что в этом процессе явственно соединяются несколько факторов: не только воля власти, которая использует переименование как инструмент

**Володина
Татьяна Андреевна**
д-р ист. наук,
проф., Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

конструирования культурной и политической идентичности, но и общественные настроения, культурная память и т. п.

Не стоит думать, что «борьба за топонимику» является исключительной особенностью России или же что она происходит только на крутых поворотах истории. В тихом немецком Мюнстере в 2012 г. разгорелась острая полемика по поводу переименования площади Гинденбургплац, которая с 1927 г. носила имя первого президента Германии. В результате бурных обсуждений городской совет решил убрать с карты города имя «монархиста и милитариста» и дать ей новое, нейтрально-идиллическое имя — Дворцовая площадь. Журналист Алан Познер с горьким сарказмом писал об этом: «Немецкий натиск, как известно, основателен. Тот, кто не выдерживает требований политической чистоты XXI в., попадает на мусорную кучу истории... Теперь можно обвинить Гинденбурга в том, что, являясь высшим военачальником в Первую мировую войну, он был милитаристом. Мы, немцы, как известно, всегда были против милитаризма»⁴.

Впрочем, массовые переименования действительно всегда связаны с периодами крупных сдвигов в социальной и политической жизни стран: с революциями, с обретением независимости (или с ее потерей), сменой политической системы⁵. Крупный исследователь топонимики в культурологическом ее прочтении, израильский ученый Маоз Азарьяху, например, в одной из своих работ проводит сравнительно-исторический анализ переименования улиц в Хайфе и Восточном Берлине после Второй мировой войны, реконструируя процесс «стирания Бисмарка и Саладина» с улиц этих городов⁶. В ходе исследования ученый вводит понятие «город-текст», под которым подразумевается культурный конструкт, придающий смысл определенному социальному и моральному порядку. «Город-текст», по мнению Азарьяху, представляет своего рода топонимический «смысловой ландшафт», который продуцируется сознанием людей и одновременно является инструментом формирования этого сознания. В своей целостности «город-текст» отражает определенную «теорию мира», одобряющую и санкционирующую существующие представления о данном обществе на данном историческом отрезке. Написание или переписывание «города-текста» является результатом взаимодействия социально-политических и семиотических процессов в культуре.

М. Азарьяху в своих работах приоритетное внимание в начертании этого «города-текста» уделяет импульсу, исходящему от государственных структур: правительства, правящей партии, муниципалитетов и т. п. Однако при таком подходе, на наш взгляд, в тени остается вопрос о пределах и ограничителях в процессе написания или переписывания «города-текста». Если прибегнуть к сравнению, то топонимический ландшафт смыслов можно уподобить древнему пергаменту, на котором писцы сосредоточенно выводили буквы трактатов и хроник. Впрочем, пергамент был дорог, поэтому зачастую им приходилось для своих записей вытравливать строки предшественников и писать свой текст поверх старого. Такой пергамент называли палимпсестом. В новейшее время оказалось, что под соответствующим углом зрения и с применением технических средств уничтоженный текст палимпсеста поддается прочтению. С то-

понимикой дело обстоит иначе, без всяких технических ухищрений прежние смыслы удерживаются в коллективной памяти, и при соответствующих условиях некоторые из них сами стремятся «проступить» сквозь вновь написанный текст. Легко, например, решением верховной власти переименовать город Тверь в Калинин. Но в бесчисленных ситуациях Тверь будет выглядеть из-за плеча этого топонимического новобранца, являя себя умудренным и несломленным ветераном. В учебниках истории тверские князья будут героически погибать в Орде, и тверской купец Афанасий Никитин будет отправляться за три моря, и из радиоточки в углу кухни будет звучать голос Шаляпина: «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской». А советский поэт Андрей Дементьев будет вспоминать о своем детстве:

В тверской деревне
В летние каникулы
Я жил в просторной
Дедовской избе⁷.

Перед нами встает проблема — от чего зависит устойчивость старого «текста», что определяет границы и пределы его изменчивости? В каких случаях старые смыслы и имена возрождаются и выходят на свет, а в каких — «новый текст» отвоевывает свое право на жизнь и прочно утверждается? На эти вопросы мы и постараемся найти ответы.

Совершенно понятно, что в обществе переписывание топонимики (по крайней мере, для нового времени) в значительной степени является прерогативой власти. Исходя из своих представлений о незыблемости и устойчивости достигнутого социально-политического статус-кво, правящая элита желает утвердить определенный уклад жизни общества, демонстрируя в топонимике официальную версию прошлого и настоящего. Топонимические смыслы отражают существующую картину мира как своеобразный «итог истории» и проецируют эту картину в будущее. Чем более глубинными и значимыми представляются власти происходящие перемены в обществе, тем более решительно и ярко проявляется зуд переименований. На самом вершине пирамиды переименований будет находиться стремление дать новое название стране, новое имя столице или же вместе с переименованием перенести и саму столицу. В этом отношении отечественный опыт не является чем-то исключительным, несмотря на то что в нашей терминологии даже утвердилось понятие «петербургский период» российской истории. Другие страны переживали не менее драматичные топонимические сдвиги. Норвежская Христиания превратилась в Осло только в 1925 г., а Токио получил свое современное имя в 1868 г. В ЮАР же попытка переименования в 2005 г. столицы Претории в Тсване вызвала такой накал общественного противостояния, что в дискурсе белых африканеров стал оформляться четкий призыв: «Пора эмигрировать — в Австралию, Новую Зеландию, Южную Америку — эмигрировать куда угодно!»⁸ Переименование города может служить даже символом смены цивилизации. Античный Византий (VII в. до н. э.) сначала превратился в христианский Константинополь (IV в.), а потом — в исламский Стамбул (1930)⁹.

На фоне столь крутых топонимических поворотов в глобальной истории российские переименования уже не выглядят как некий уникальный кейс, будь то сиюминутно-политическое переименование Екатеринослава в Новороссийск при Павле I, военно-дипломатическое — Петербурга в Петроград (1914), или же массовое идеологическое переименование городов и улиц после революции 1917 г. Безусловно, практически в каждом городе СССР существовали улицы с названиями коммунистической окраски (Советская, Красногвардейская, Пролетарская и т. п.), однако таковы были сила идейной индоктринации, проводимой властью большевиков, и степень вовлеченности в этот процесс массового сознания.

Впрочем, исторический опыт показывает, что в деле топонимики не все сводится к букве царского указа, революционного декрета или постановления муниципалитета. Создается впечатление, что здесь существует собственная область сдержек и противовесов. Она служит неким внутренним ограничителем и балансом, не подвластным силе указа. Иначе невозможно, например, понять, почему после падения Византии в XV в. Константинополь еще пять веков сохранял свое прежнее имя. Как невозможно понять и феномен возвращения «старых имен» после достаточно длительного времени бытования новых. Совокупность факторов, служащих таким ограничителем и балансом, мы и называем феноменом «палимпсеста».

Так в каких же случаях старые буквы проступают из-под нового текста и возвращаются к жизни, а при каких условиях новое название укореняется в массовом сознании общества и доказывает свое законное право на жизнь? Можно ли вообще в этом процессе сформулировать некие общие закономерности?

На наш взгляд, для понимания логики изменений в топонимике необходимо изучать не только статистику переименований и соответствующие документы государственных органов власти, но и привлекать разноплановые источники, которые позволяют уловить общественные настроения. Приведем один пример. На излете советского времени композитор Юрий Антонов написал на заказ песню к юбилею Крымской области, не возлагая на нее каких-то особых надежд¹⁰. А песня вдруг неожиданно для самого автора «выстрелила» и стала шлягером. Она звучала из каждого утюга. На радиостанции мешками приходили письма от слушателей, требовавших включить в эфир полюбившиеся строки: «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную, / И на Тенистой улице я постою в тени». Тогдашнему партийному руководству следовало бы крепко задуматься и насторожиться. Популярность песни была своеобразным маркером массового отвращения от пафоса советского официоза («Есть улицы центральные, высокие и важные»). В сознании советского человека, который каждый день в любом городе страны проходил по улицам Советским и улицам Ленина, уже присутствовал запрос на отторжение «текста», написанного в течение последних десятилетий. Подспудно уже вызревало стремление вернуться к идеологически-нейтральным названиям, а в следующей итерации — и к «старым» именам, наполненным определенным идеологическим смыслом.

Существуют ситуации и обратного порядка, когда нейтральное в принципе название приобретает глубокое смысловое значение и завоевывает свое право на жизнь в связи с событиями, происходящими в истории. Знаменитая песня «Дорога на Берлин», исполненная впервые Леонидом Утесовым в 1944 г., обыгрывала традицию «естественных» названий улиц, которая была широко распространена в русских городах. Улицы назывались по имени того города, в направлении которого они вели; и Тверская улица в Москве значила только то, что она плавно перетекала в дорогу, ведущую на Тверь. Однако в условиях войны эти названия наполнялись другим смыслом: окраинная улица освобожденного города, по которой проходили наступающие войска, как бы указывала маршрут к следующему городу, который предстояло брать. И при всех политических пертурбациях последующего времени никто не смог бы решиться на переименование Брянской улицы в Орле, Минской — в Брянске, а улицы Брестской — в Минске. Они существуют и поныне. А ограничитель был создан войной и вербально сформулирован этой песней. Общественное сознание просто отвергло бы любое переименование этих улиц в честь любого деятеля, будь то Андропов или Солженицын, ибо названия уже несли в себе гораздо более важные исторические смыслы.

Ограничители могут срабатывать и в обратном направлении, препятствуя возвращению «естественных» названий. В 1990-е гг., когда по всей стране катилась эстафета возвращения улицам дореволюционных имен, когда улица Горького превращалась в Тверскую, а улица Карла Маркса — в Охотный Ряд, в Туле переименование главного проспекта города (проспекта Ленина) всерьез даже не обсуждалось. Дело здесь заключалось не только в том, что Тульская область в то время входила в «красный пояс», но и в повышенном прагматизме туляков (всякие переименования встанут в копеечку)¹¹. Вернуть же проспекту Ленина его историческое имя (улица Киевская) представлялось абсолютно невозможным. Сознание и подсознание общества не могло принять мысль о том, что Киев является «заграницей». В то же время идея о возвращении улице Советской дореволюционного названия (Посольская) находила у части жителей благосклонный отклик, хотя и отменялась в силу того самого тульского прагматизма¹².

В истории нашей страны есть множество примеров, когда изменялась топонимика. Особенно активно этот процесс развивался в 1920–1930-е гг. После того как в 1924 г. Петроград превратился в Ленинград, началась практически цепная реакция переименований городов: Сталинград, Чкалов, Молотов, Ворошиловград, Калинин, Свердловск, Киров и т. д. Безусловно, все эти переименования носили сугубо идеологический характер. Изменение топонимики являлось политическим инструментом, закладывающим определенные рамки и ориентиры, в которых должно было развиваться общество.

Однако в истории этого «парада переименований» есть одно интересное исключение. Большинство российских городов, получив ненадолго свое советское имя, все равно рано или поздно возвращались к изначальному, историческому названию. Екатеринбург, ставший с 1924 г. Свердловском, в 1991 г. стал опять Екатеринбургом; Нижний Новгород, носивший с 1932 г. имя Максима

Горького, вернулся к истокам в 1991-м; Пермь, именовавшаяся с 1940 г. Молотовым, в 1957 г. снова стала Пермью. Лишь один город выбивается из данной последовательности: Царицын, ставший в 1925 г. Сталинградом, в 1961 г. обрел совершенно новое имя — Волгоград.

Попробуем сравнить два кейса в топонимике и попытаемся разобраться, почему Санкт-Петербург, долгое время носивший имя Ленина, вернулся к своему имперскому истоку, а Волгоград до сих пор носит имя, данное ему советским руководством в 1961 г. Как в этих случаях разворачивалась конкуренция между «текстом» и «палимпсестом»?

Вопрос о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург впервые стал подниматься и обсуждаться предметно в Ленсовете в 1991 г. К тому времени по всей стране уже прокатилась волна перестройки, и скрывавшееся долгие годы недовольство коммунистическим режимом стало очень заметным. Бывший депутат Ленинградского городского совета депутатов Юрий Нестеров вспоминал: «Большинство депутатов Ленсовета были настроены антикоммунистически. Они считали, что неправильно присваивать городу имя человека, который руководил переворотом, приведшим в итоге к сталинским годам. И они считали, что политика вообще не должна вмешиваться в топонимику. Если власть начнет переименовывать города и улицы под себя, чтобы запомнили их великих, то начнется безобразие. Поэтому тогда речь зашла о возвращении исторического имени, а не о присвоении нового»¹³.

Идею с переименованием поддерживали и различные общественные движения, выступавшие против советского варианта названия города как одного из символов коммунистической власти. Впервые о возвращении городу исторического названия весной 1989 г. заговорили представители именно неформальных патриотических организаций¹⁴. Активисты устраивали сборы подписей, а СМИ охотно это освещали. Одной из основных причин бурных дискуссий и поддержки переименования являлось нежелание части граждан как-либо ассоциировать себя с коммунистической системой. Кроме того, возрастающий интерес широких слоев населения к дореволюционному прошлому своей страны и своеобразная ностальгия по этому прошлому («Россия, которую мы потеряли») подталкивали к возвращению старых названий.

Однако будет справедливым отметить и тот факт, что за сохранение Ленинграда тоже выступало немало людей. При проведении городского референдума о переименовании голоса разделились почти поровну: 54,9% участников выступили за возвращение городу имени Санкт-Петербург, а 44% — проголосовали против¹⁵. Хотя в массовом историческом сознании признавались заслуги Петра Первого и его роль в развитии нашей страны, однако для значительной части общества советские символы несли в себе некую сакральную ценность. Выпускалось огромное множество листовок, агитирующих против переименования. Вопрос переименования Ленинграда оказался очень острым, в его обсуждение включились и жители других городов. Жители Донецка, например, накануне референдума выступили с призывом к ленинградцам встать стеной и не допустить переименования «святыни советского народа». Подобного накала общественного противостояния при последующих переименованиях

городов уже никогда не наблюдалось. Никто не бился так за Свердловск или Горький, и уж тем более за город Брежнев (это имя буквально несколько лет носили Набережные Челны). Такое явление можно объяснить очень просто. За десятилетия своей жизни с именем Ленина город обрел такие мощные пласты событий, смыслов и символов, что сам превратился в «город-текст», перемена его имени воспринималась как крушение некоего культурного кода. Этот шаг как бы «уничтожал колыбель революции», «отменял юных ленинцев» и (самое невыносимое!) «упразднял ленинградскую блокаду». Популярный бард и поэт Александр Городницкий, которого вряд ли можно заподозрить в сочувствии КПСС, в 1993 г. написал стихотворение «Переименование», в котором прекрасно выразил это чувство потерянности и утраты смысла.

Твой переулок переименован,
И улица Мещанской стала снова,
Какой она когда-то и была,
А ты родился на Второй Советской,
И нет тебе иного в мире места
И улицы, — такие вот дела.
.....
Я помню ленинградскую блокаду,
А петербургской не припомню, нет.
.....
В краю, где снова пусты пьедесталы,
Мы доживаем жизнь свою устало,
И оборвется наш недолгий след
На улице, что имя поменяла,
В том городе, которого не стало,
И в той стране, которой больше нет¹⁶.

Ситуация с Ленинградом является ярким примером жизненной силы «палimpseста». «Старые» буквы Санкт-Петербурга как будто «проступали» сквозь более поздний «текст» Ленинграда. И заметим, все это происходило в тот период, когда страна переживала крутой социально-политический поворот в общественной жизни. Вопрос о переименовании практически расколол людей на две когорты: одни — за Санкт-Петербург, другие — за Ленинград. Впрочем, период бытования города как Петербурга был столь плотно вплетен в историческую ткань российской истории, столь крепко связан с достижениями, победами и поражениями огромной страны на протяжении двух веков, что общественное сознание признало его «право первородства». Кстати, именно по этой причине все другие варианты переименования (А. И. Солженицын, например, предлагал назвать город Свято-Петроградом¹⁷) всерьез не рассматривались.

Однако сложность заключалась в том, что за время своего существования «город-текст» Ленинград тоже обрел силу, впитав в себя события и смыслы истории страны в XX столетии. Он стал неким знаком — революции, нового государства, провозгласившего принципы равенства и справедливости, великой войны, в которой Ленинград выступал как обобщенный символ трагедии и стойкости. А великие беды и потрясения оставляют в народном сознании

даже более глубокий след, нежели победы и достижения. Все это не могло быть вытравлено из коллективной памяти, Ленинград «не желал» молчаливо отступить на позиции «палимпсеста». Общество искало какую-то форму компромисса в этом топонимическом соперничестве и находило точки для их примирения. Город был переименован, но памятники Ленину в нем остались, как осталась и блокада Ленинграда — в учебниках истории, книгах и мемориалах. А парадоксальное, на первый взгляд, соединение (Санкт-Петербург — центр Ленинградской области) не было воспринято обществом как нечто неправильное или нелогичное.

В случае с Волгоградом дело обстояло иначе. Даже в условиях «парада переименований» в 1990-е гг. здесь не проявилось сколько-нибудь решительного и серьезного стремления вернуть городу его историческое имя Царицын. На наш взгляд, это было обусловлено действием нескольких факторов. Жители города знали, конечно, что название Царицын произошло от речки Царицы, впадающей в Волгу. А краеведы и историки знали, что в основе этого названия лежат татарские слова «сари-су», что означает желтая речка, или «сари-чин» — желтый остров. Поэтому первое русское поселение с деревянной крепостью, возникшее на этом острове и служившее в качестве аванпоста, и получило это имя. Однако сложность заключалась в том, что в XX в. эта речка исчезла. Горожане могли видеть только ее сухое русло в центре города. Странно было бы переименовывать город в честь исчезнувшей, пересохшей реки. В массовом же сознании жителей страны название Царицын четко ассоциировалось со словами «царь, царица». В условиях демократической эйфории возвращение к таким «истокам» было немыслимым.

Кроме того, даже тень мысли о переименовании Волгограда возрождала к жизни не концепцию Царицына, а «палимпсест» Сталинграда. Когда на волне хрущевской оттепели в партийных верхах было принято решение о переименовании города, оно вступило в конфронтацию с маркерами исторической памяти, которые было невозможно просто вычеркнуть из коллективного исторического сознания людей. «Окопы Сталинграда» в этой системе координат были символом железного упорства и беспощадной ярости народа, вгрызавшегося зубами в клочок волжской земли. Советская пресса 1961 г. преподносила инициативу по смене имени города как «чаяния трудящихся», в едином порыве откликнувшихся на решения XX и XXII съездов партии¹⁸. Однако внутрипартийные документы и воспоминания свидетелей этих событий рисуют совершенно иную картину. В начале ноября 1961 г. на предприятиях и в учреждениях города по инициативе обкома стали проводить собрания в трудовых коллективах, которые должны были продемонстрировать «всемирную поддержку» переименования. Последовал сюрприз: собрания стали превращаться в митинги, где зазвучали голоса противников этой инициативы. Студенты исторического факультета, рабочие промышленных гигантов города («Баррикады», «Красный Октябрь», тракторный завод) выражали сомнение и недовольство¹⁹. «Всемирное обсуждение» быстренько свернули, а спустя пару дней, проснувшись утром, жители увидели на здании железнодорожного вокзала огромные светящиеся буквы — Волгоград. В этом случае был найден некий аналог «Тенистой улицы»

из песни Юрия Антонова. Волга — великая русская река, с этим не поспоришь. Само название Волгоград (город на Волге) вызывает неконфронтационные ассоциации: «Издалека, долго, течет река Волга»; «Есть на Волге утес»; «Много песен про Волгу пропето»; «матушка Волга» и т. п.

Именно фактор нейтральности имени и сыграл, на наш взгляд, решающую роль в том, что Волгоград уцелел в 1990-е гг. Царицын был неудобен в связи с монархическими аллюзиями, а Сталинград — неприемлем как напоминание о самых страшных десятилетиях советского строя. Теперь уже Волгоград выступает как «город-текст», написанный правительством в условиях десталинизации, а Сталинград играет роль «палимпсеста», но не древнего и обветшалого. Относительно недавний по времени, он исполнен мощных культурных смыслов и знаков. Время от времени всплывают петиции различных организаций, пытающихся вернуть в повестку общественной дискуссии вопрос о возвращении городу имени Сталина. Именно поэтому городская дума в 2013 г. приняла официальное решение, согласно которому шесть дней в году Волгоград будет именоваться Сталинградом: 9 Мая — в День Победы, 22 июня — в День памяти и скорби, 23 августа — в День памяти жертв бомбардировки Сталинграда немецкой авиацией, 2 сентября — в День окончания Второй мировой войны и 19 ноября — в День начала разгрома нацистов под Сталинградом²⁰.

Подведем итоги. Как уже отмечалось, переименование географических объектов является показателем крутых социально-политических поворотов, переосмысления людьми власти, страны и самих себя. Вместе с этим изменение названий улиц и городов с успехом выступает в качестве инструмента идеологического воздействия на общественное сознание. Однако это идеологическое воздействие («революционные переименования» или «возвращение к корням») имеет свои ограничители. Эти ограничители интуитивно, вероятно, ощущаются и властью, и обществом. Так, например, даже в самые жесткие десятилетия советской власти не было попыток переименовать Киев или Ташкент, Баку или Ригу. После крушения СССР в неприкосновенности осталось название города Калининграда, хотя Калинин был быстро и успешно переименован в Тверь. А Грозный, несмотря на всю остроту чеченского конфликта в 1990-е гг., по-прежнему носит имя, данное ему при генерале Ермолове. Анализ различных факторов и компонентов, которые посредством топонимики формируют социокультурный ландшафт общества, представляет одну из актуальных задач современной гуманитарной науки. Рассмотрение этого феномена в контексте конкуренции «текста» и «палимпсеста» является эффективным инструментом для выявления этих ограничителей. А рассмотренное нами «соперничество» Ленинграда — Петербурга и Волгограда — Сталинграда свидетельствует по большому счету еще об одной черте постсоветского общества. В нашей стране оно на уровне почти генетической памяти ощущает опасность гражданской войны и, замечая близость губительной грани, стремится «отползти» от нее, отыскивая механизмы снятия конфронтации.

- ¹ Перевод Б. Пастернака.
- ² *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 284–294.
- ³ *Кукарцева М. А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44–55; *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 25–38; *Колесов В. В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
- ⁴ *Posener A.* “Wie die Deutschen ihre Vergangenheit entsorgen” // Die Welt. 2012. 21 August. URL: <https://www.welt.de/kultur/article108718043/Wie-die-Deutschen-ihre-Vergangenheit-entsorgen.html> (дата обращения: 12.10.2021). Перевод с нем. Т. А. Володиной.
- ⁵ Обзор современной научной литературы по данной проблематике см.: *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place* / ed by R. Rose-Redwood, D. H. Alderman, M. Azaryahu. London, NY, 2017. P. 1–24.
- ⁶ *Azaryahu M.* The Purge of Bismarck and Saladin: The Renaming of Streets in East Berlin and Haifa, a Comparative Study in Culture-Planning // Poetics Today. 1992. Vol. 13, no. 2 (Summer). P. 351–367.
- ⁷ *Дементьев А. Д.* Пока я боль чужую чувствую. М., 2013. URL: <https://litmap.tverlib.ru/dementiev/ad-0327.html> (дата обращения: 05.10.2020).
- ⁸ Претория была названа в честь национального героя буров Андреса Преториуса (1798–1853), а наименование Тсване дано в честь полупоупендарного африканского вождя, который жил задолго до появления белых. См.: *Peta B.* Pretoria renamed after tribal leader to shed its colonial past // Independent. 9 March 2005. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/africa/pretoria-renamed-after-tribal-leader-to-shed-its-colonial-past-527730.html>; <https://clck.ru/giYNS> (дата обращения: 12.10.2020).
- ⁹ *Georgacas D. J.* The Names of Constantinople // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 347–367.
- ¹⁰ *Меньшенина Е.* История одной песни: «На улице Каштановой» // Аргументы и факты. 2014. 19 февр. URL: https://aif.ru/culture/art/istoriya_odnoy_pesni_na_ulice_kashtanovoy (дата обращения: 20.10.2020).
- ¹¹ Эксперты о восстановлении исторических названий в Туле: имена улиц — это культурный код города // Myslo: [интернет-портал]. URL: <https://clck.ru/giXK8>; <https://clck.ru/giXKk> (дата обращения: 15.10.2020).
- ¹² Что туляки думают о переименовании улиц в историческом центре города? Мнения и комментарии // Myslo: [интернет-портал]. URL: <https://clck.ru/giXHN> (дата обращения: 15.10.2020).
- ¹³ *Чирин В.* Как 27 лет назад Ленинград переименовали в Петербург и почему город чуть не остался с советским названием // Бумага. 2018. 6 сент. URL: <https://paperpaper.ru/kak-27-let-nazad-leningrad-pereimenoval/> (дата обращения: 18.10.2020).
- ¹⁴ *Лелина Е. И., Матлин А. Д.* От Ленинграда к Санкт-Петербургу: к вопросу о возвращении названия городу в 1991 г. // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. статей. Вып. 4. СПб., 2017. С. 149–167.
- ¹⁵ *Дуличенко А. Д.* Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени. Мюнхен, 1999. С. 313.
- ¹⁶ *Городницкий А.* Стихи и песни. Избранное. СПб., 1999. С. 342.
- ¹⁷ *Дуличенко А. Д.* Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР. С. 313.
- ¹⁸ *Липатов А. В.* Сталинград — Волгоград: история переименования города-героя 10 ноября 1961 г. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10. С. 209–211.
- ¹⁹ Там же. С. 212–214.
- ²⁰ Решение Волгоградской городской Думы от 30.01.2013 № 72/2149 «Об использовании наименования “город-герой Сталинград”». URL: <http://www.volgsovet.ru/d1d0/Act/Decision/2013/1528> (дата обращения: 16.10.2020).

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2021 г.
Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Володина Т. А. Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 491–502.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.214>

Аннотация: Анализируется процесс трансформации смыслов в ходе переименований различных объектов в новейшей истории России (названия городов, улиц, площадей и т. п.). Данный феномен рассматривается не как уникальная черта, свойственная исключительно России. Автор подчеркивает актуальность данной проблематики в исследованиях зарубежных гуманитариев, работающих в междисциплинарном поле истории, культурной антропологии и географии. В статье ставится вопрос о причинах и пределах устойчивости и изменчивости топонимических структур. Особое внимание уделено рассмотрению конкуренции Петербурга — Ленинграда и Волгограда — Сталинграда в общественном и властном дискурсе. Автор приходит к выводу о существовании двух семиотических слоев в данном процессе: «текста», как явления «переписывания» смыслов, т. е. переименования, и «палимпсеста», который продолжает существовать в сознании общества под слоем написанного «текста». В результате проведенного анализа делается вывод о существовании глубинных ограничителей в деле конструирования социокультурного топонимического ландшафта. Взаимоотношения между «текстом» и «палимпсестом», по мнению автора статьи, определяются несколькими факторами. Устойчивость «палимпсеста» прямо пропорциональна историко-событийной наполненности, которую успело вобрать в себя «старое имя» за время своего существования. Интенсивность, эффективность и успешность написания нового «текста» напрямую зависит от масштабности перемен в развитии общества и от степени связанных с этим изменений в социокультурной картине мира. Исход конкурентной борьбы между смыслами «текста» и «палимпсеста» в конечном итоге является маркером, демонстрирующим степень и пределы готовности общества к усилению гражданского противостояния в борьбе за смыслы топонимического ландшафта.

Ключевые слова: топонимика, переименование, коллективная память, историческое сознание, индоктринация.

Сведения об авторе: Володина Т. А. — д-р ист. наук, проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия); volodina.tatiana2016@yandex.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125

FOR CITATION

Volodina T. A. 'The Problem of Sustainability and Mutability of Values in Historical Toponymy', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 491–502.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.214> (In Russian)

Abstract: This article analyzes the process of value transforming in the course of renaming various objects in recent Russian history (names of cities, streets, squares, etc.). This phenomenon is not unique to Russia. The author points out the significance of this problem in present works of Western scholars working in the interdisciplinary field of history, cultural anthropology, and geography. The article raises the question of the causes and limits of the sustainability and mutability of toponymic structures. Special attention is paid to the consideration of the competition between St Petersburg — Leningrad and Volgograd — Stalingrad in the public and power discourse. The author concludes that there are two semiotic layers in this process: the "text" as a phenomenon of "rewriting" meanings, i. e., the renaming properly, and a "palimpsest" that continues to exist in the public consciousness under a layer of written "text". As a result of the analysis, the author concludes that there are deep limitations in the construction of the socio-cultural toponymic landscape. The relationship between the "text" and the "palimpsest", according to the author, is determined by several factors. The sustainability of the "palimpsest" is directly proportional to the historical and event content that the "old name" managed to absorb during its existence. The intensity, effectiveness and success of writing a new "text" — all these points directly depend on the scale of

changes in the social development as well as the degree of changes in the socio-cultural view of the world. The outcome of the competitive struggle between the meanings of "text" and "palimpsest" is ultimately a marker that demonstrates the degree and limits of society's readiness to strengthen civil confrontation in the struggle for the values of the toponymic landscape.

Keywords: toponymy, renaming, collective memory, historical consciousness, indoctrination.

Author: Volodina T. A. — Dr. Sci. in History, Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia); volodina.tatiana2016@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, pr. Lenina, Tula, 300026, Russia

References:

- Azaryahu M. 'The Purge of Bismarck and Saladin: The Renaming of Streets in East Berlin and Haifa, a Comparative Study in Culture-Planning', *Poetics Today*, vol. 13, no. 2 (Summer, 1992).
- Dulichenko A. D. *Ethnosociolinguistics of "Perestroika" in the USSR: An Anthology of Captured Time* (Munich, 1999). (In Russian)
- Georgacas D. J. 'The Names of Constantinople', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, vol. 78, 1947.
- Kolesov V. V. *Language and mentality* (St Petersburg, 2004). (In Russian)
- Koposov N. E. *How the historians think* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Kukartseva M. A. 'Linguistic turn in historiography: evolution, essence and basic principles', *Voprosy filosofii*, no. 4, 2006. (In Russian)
- Lelina E. I., Matlin A. D. 'From Leningrad to St Petersburg: on the question of returning the name of the city in 1991', *Problemy istoricheskogo regionovedeniya*, no. 4, 2017. (In Russian)
- Lipatov A. V. 'Stalingrad — Volgograd: the history of renaming of the Hero City on November 10, 1961', *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 10, 2017. (In Russian)
- Repina L. P. 'The Challenge of postmodernism and the prospects for a new cultural and intellectual history' in *Odissej. Chelovek v istorii* (Moscow, 1996). (In Russian)
- The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place*, ed. by R. Rose-Redwood, D. H. Alderman, M. Azaryahu (London, NY, 2017).

Received: April 2, 2021

Accepted: February 22, 2022